

ПЕРСОНА

Одна простая сказка...

— «Пластилиновую ворону» можно назвать революцией в мультипликации — такого абсурда в стране еще не было...

— Одна из причин успеха «Вороны» — то, что страна стояла на перепутье: «А может быть, ворона, а может быть, королева...». А энергетика была оттого, что ее делали представители трех городов: я тогда жил в Ленинграде, киевские режиссер и художник — Александр Татарский и Игорь Ковалев, и Эдуард Успенский, москвич. Три мировоззрения слились, и в результате получилась песня-капустник с массой цитат. Например, самая большая — в середине, где лиса появляется, — из Джорджа Харрисона. А еще там туш, русский романс, гамма в финале. Такой питерский юмор расцвел на произведениях рок-клуба первой волны, когда были «Зоопарк», «Аквариум», «Странные игры» и многие другие.

— За какие заслуги Татарский пригласил в «Ворону» именно вас?

— С Татарским и Ковалевым я познакомился в Коктебеле в 1978 году — мы все туда приехали дикарями и попали под преследование критика Феликса Кузнецова. Он написал разгромную статью про отщепенцев и хиппи в джинсах, кем как раз мы и были. Злая украинская милиция устраивала облавы на гитаристов, и меня спасло только удостоверение артиста Ленконцерта — я редко там выступал, но уже был опытный и взял его с собой. А Татарскому с Ковалевым понравилась моя песня о картинах:

Если видишь, на картине нарисована река,
Или ель и белый иней, или сад и облака,
Или снежная равнина, или поле и шалаш,
Обязательно картина называется «пейзаж».

Далее был натюрморт, портрет... И они захотели снять по этой песенке мультфильм, что впоследствии и сделали — на самодельном станке из рентгеновского аппарата в киевском Дворце пионеров.

— Цензура не угнетала в фильме каких-нибудь намеков и неподобающих вещей?

— Когда Успенский увидел первый мультфильм, он предложил сделать 10-минутную часть, добавив еще две песенки. И первой преполой стал я — поскольку я не член Союза композиторов, музыкальная редакция встала на дыбы и предложила заменить композитора. Но Татарский проявил творческий подвиг и не сдал меня.

— Музыка — это результат бессонных ночей или, скорее, развлечение — за чашкой чая на диване в Питере?

— Нет, Татарский пригласил меня в Москву. Причем моего телефона у него не было — только адрес на поздравительной новогодней открытке. Он ее нашел и написал мне письмо с планом, как пойти. Я приехал на Ленинградский вокзал с 12-струнной гитарой, на электричке добрался до платформы Моссельмаш и в 7 утра оказался в квартире, которую они с Ковалевым снимали у сына клоуна Шульгина. Писать надо было быстро и в том коктебелевском стиле. Я выпил кофе, поспал, и так к 14 часам родилась песня «А может быть, ворона?» на стихи Эдуарда Успенского.

Инженер по трамваям

— Правда, что вам предлагали сменить фамилию, чтобы вас не путали с Геннадием Гладковым?

— Да, меня вызвали в соответствующий орган и настоятельно предложили сделать это. Я посоветовался с отцом, и он спросил: «Это все-таки будет твоей профессией или хобби?». Я ответил, что хобби, и отец рассудил: «Ну и зачем тебе менять? Я тебя назвал в честь деда, который погиб в 1941-м. Не пробьешься — фамилию потеряешь, пробьешься — фамилия останется». Правда, мне до сих пор интересно, что отец имел под словом «пробьешься»? Какова высота этой планки — по телевизору покажут, или что? Когда меня вызвали обратно: «Ну, придумали?» — я сказал: «Да. Тухманов». И от меня отстали.

— Если музыка — это хобби, то что же было работой?

— Ленинград самый трамвайный город мира. По первому образованию я «инженер по трамваям» — инженер-конструктор службы подвижного состава. Я выполнял волю родителей и три года отработал по специальности.

— Известное состояние «проснуться знаменитым» довелось прочувствовать?

— Да, буквально это случилось после «Пластилиновой вороны». Правда, сначала я не познал полного триумфа, потому что меня путали с Геннадием Гладковым, но потом Эльдар Рязанов в «Кинолоранте» разъярил всем, что есть два Гладкова. Технически слава выразилась в том, что на меня обрушились заказы от театров кукол, и я безбедно жил на них. Так как я сочиняю быстро, то писал сразу, а потом месяц разыгрывал спектакль, что работаю. У меня до сих пор музыка идет где-то в 50 театрах страны.

Когда я учился в школе (а учился я хорошо), меня прикрепили к двоичнику Гаймарунскому. Я его подтягивал по математике и литературе, а он меня научил курить, ругаться матом и пить. Однажды мы с ним услышали из окон рок-н-ролл. Гаймарунский, который все знал, сказал: «Это Чибичев», в одно слово. Я подумал, что это какое-то потрясающее явление с неба, и лишь потом узнал про американского певца Чабби Чакера. С того момента я стал яростно учиться играть на гитаре и сочинять песни.

— Первые песни писали «в стол»?

— Так, для друзей. Первая осмысленная песня «Тревога» в 8—9-м классе была о войне — сказало влияние Высоцкого. Я ее спел отцу:

С боями прошли Украину,
И нет больше сил воевать.
И в страстную эту годину
Устала рука убивать...

Из других окон неслись песни «Битлз», и я стал строить свое музыкальное образование по их моде-

Композитор Григорий Гладков — любитель создавать путаницу в головах слушателей. Его творческая биография началась с нарушений всех правил советской мультипликации, когда с легкой музыкальной и поэтической руки — его и Эдуарда Успенского — родилась абсурдная вещица под названием «Пластилиновая ворона». А войдя во вкус с фильмами «Падаль прошлого и снег», «Про Веру и Анфису» и другими работами, Гладков попал в российскую Книгу рекордов Гиннеса — до таких размеровросло количество его детских сказок и песен. Взрослой публике он запросто дает определение «сборище дураков», из чего можно делать выводы о его взглядах и предпочтениях. Кроме того, Григория Гладкова угораздило родиться почти на 20 лет позже другого композитора — Геннадия Гладкова («Бременские музыканты», «Формула любви» и десятки других кинохитов). И с тех пор им постоянно приписывают произведения друг друга, хотя каждый из них — личность отдельная, оригинальная и совсем не родственная.

Белая

Григорий Гладков с Аллой Манфредовной Левитан.

ли: при яркой, но простой и запоминающейся мелодии огромная надстройка из юмора, театра, интеллекта, абсурда и подтекста.

— А вы могли бы охарактеризовать современную жизнь каким-то музыкальным жанром: например, оперетта, тяжелый рок или классика?

— Разговоры о великих переменах, которые происходят сегодня, рождают современную жизнь с временами Советской власти — тогда говорили то же самое. Но если тогда этим могли зажечь людей, то сейчас все слишком апатично. Поэтому скорее всего современности больше подходит не попса, которая во всем подражает Западу, или оперетта, а русский шансон. Ведь это сугубо наше, «made in Russia». Сочный текст, главный герой — бандит. И ничего не изменилось — то партия отбирала деньги на членские взносы, теперь — бандиты.

Девочки-принцессы и хулиганы

— В музыкальных энциклопедиях вы проходите как «детский поэт-песенник и композитор». Вас устраивает такое определение?

— Ну, это приклеено, я не считаю свои песни детскими — когда я их сочинял, то ни о каких детях никогда не думал. Но дети воспринимают такие песни тоже, потому что это их язык. Искусство для детей в советское время оставило, мне кажется, большой след — туда уходили от цензуры очень талантливые люди, начиная с Маршака, который начинал как взрослый поэт. С приходом в нашу страну реформ «детский» жанр остановился...

— Но вы не откажитесь от того факта, что перед детьми выступаете чаще, чем перед взрослыми?

— Действительно, началось все с того, что в 1991 году меня из 25 кандидатур выбрал и пригласил на гастроли в Америку американский композитор Джон Маккачинг. Он хотел сделать такой российско-американский тур «фамили» — для детей и родителей вместе. У них есть «фамили» всюду: и турпоходы, и одежда, и кино. На это государство тратят огромные деньги. Там говорят, что «если упустить хоть одно поколение детей, то страну можно взорвать без атомной бомбы, как это произошло у нас в 1917-м...».

— Был соблазн остаться в Штатах навсегда, насладиться их «фамилией»?

— Да, когда мне предложили контракт на три года. Я понял, что останусь, и плюнул на контракт — ведь я был еще и кормильцем большой семьи. Но их

Моск. кинематограф - 2002 - 16 дек. - с. 6.

«ПЛАСТИЛИНОВАЯ ВОРОНА» Григорий Гладков: «Когда-то я придумал себе фамилию — Тухманов»

С Елизаветой Родиной на ярмарке «Российский фермер».

принцип стараюсь перенимать, на все фестивали езжу с ребенком.

— В одном из интервью вы сказали, что внушили дочке, что она принцесса...

— Да, я считаю, что девочка должна быть принцессой. А мальчика воспитывать надо по-спартански: упал — отжался.

— Музыку учите?

— По телевизору. Последние три года я веду «уроки музыки для самых маленьких» в передаче «Спокойной ночи, малыши!». Есть форма, изобретенная древними, — развлечение плюс познава-

ние. И мы с Филей, Хрюшей и Степашкой в легкой форме рассказываем о музыке, к каждой передаче я сочиняю песенку.

Мама моя была заведующей детскими яслями, и я рос в атмосфере ее профессии, утренников и елок. Так как я учился в музыкальной школе по классу баяна, а ее штатный баянист записывал (через букву «и»), с шестого класса я иногда замещал его. Из маминых секретов я понял, что важнее — войти в контакт с родителями, и самый лучший концерт, когда дети приходят вместе с папами и мамами. Дети с учителями или оди — это сборище хулиганов.

— На хулиганов у вас тоже есть свои методы?

— Есть, и достаточно действенные. Например, в зале выбирается жертва, и на нее сыплются все угрозы: «Ах, ты, такой-сякой, мешаешь мне и всем ребятам. Вон из зала!». На середине пути его останавливаю и сменяю гнев на милость: «Ну, ладно, оставь. Назначая тебя старшим — будешь следить за порядком!». Другой способ утихомирить зал — разозлиться и ударить с размаху по струнам: «А ну молчать!». И потом тихо, с улыбкой, добавить: «А вообще-то вы молодцы...».

— Чем отличается выступление перед взрослой и детской аудиторией?

— Перед детской гораздо сложнее. Взрослая публика — это, честно говоря, сборище дураков. У нас по отдельности люди очень интересные, но в целом не получается. Это как плохая еда — отдельно все компоненты классные, а вместе есть нельзя. Но главная причина — никакого покаяния, люди ходят по земле и не думают, что тут жил до них и умер раньше. Остались те, кого — есть такое медицинское слово — «пронесло». Поэтому мне взрослые неинтересны, а дети — это какая-то еще надежда.

— Может быть, в вас затаилась обида на взрослых — время бардов проходит, публика уже не та...

— Обиды никакой нет, я востребован. Жалко, что почти нет детских передач и фильмов, а вечерние «взрослые» концерты очень помпезные. Там и

публика привередливая — она работала на дорогой билет, купила его, и если ей не понравится концерт... Но все равно сегодня время лучше, стало интереснее жить — можно увидеть мир, появился Интернет. И мне противно, когда по телевизору показывают взрослых мужиков, которые стонут, что им тяжело жить. Ты же живешь в самой красивой и богатой стране, имеешь две руки и ноги, можешь работать!..

Подпольщики с проспекта Мира

— Ваша песня «Автопортрет» — яркий образчик черного юмора...

— Эти стихи из сущестительных я нашел в «Литературной газете». Их автор — инженер Олег Молотков из Саратова:

Мама, сказка, каша, кошка,
Книжка, яркая обложка...

И заканчивались они:

Речи, памятник, ограда.

Раньше я пел этот мрачноватый финал и не думал о пожилых людях в зале. А сейчас я их замечаю и решил, что финал должен быть другой:

мама, сказка, каша, кошка,

внук Никита, правнук Сережа...

А еще я по этому же принципу написал пародию на современные песни о любви — «Свечи»:

Вечер, свечи, плечи, слезы, слюни, сопли... — и так далее, до финала:

Утро, трудно, печень, песня по телевизору...

— А почему популярная радиопередача «В нашу гавань заходили корабли» записывалась у вас дома?

— Да, ее в 1991-м писали в моей квартире на проспекте Мира в течение целого года и с подачи того же Успенского. Он всегда любил песни «городских окраин» и придумал детскую радиопередачу, которая потом превратилась во взрослую. Я тоже спросил у Успенского: «Эдуард Николаевич, а почему именно в моей квартире? У вас квартира лучше, а у меня даже в подъезде писают...». У него была прекрасная квартира, где в том же подъезде жил Лужков. Он сказал гениальную фразу: «Мы начинаем новое интересное дело. Чтобы был успех, мы должны чувствовать себя как подпольщики». Туда приезжали такие гости, как Зиновий Гердт, Ирин Муравьева, Владимир Меньшов...

— С вас причитается история о ком-либо из мэтров.

— С каждым из них что-то связано: Гердт внес ноту уважения к этому жанру — «смеяться, но не насмехаться». Наталья Варлей, как оказалось, не только поет, но после окончания Литинститута еще и пишет стихи. Но вот уж кому надо точно записывать диски — это Муравьевой. На записи «Гавани» вместе с Кирой Смирновой они гениально перевоплощались в персонаж и пели тюремную «Черный ворон»:

Окрестись, мамаша, маленьким кресточком,
Помогают жить великие кресты,
Если сыну твоему, а может, дочке
Отбивают срок казенные часы.

(Был и другой вариант — «кремлевские часы»).

— Зковский репертуар не коверкал мораль артистов?

— Успенский сразу расставил все акценты, сказав: «Мы поем такие песни, потому что это часть нашей истории. Но это не пример для подражания — не дай бог, их персонажи станут народными героями». Несмотря на их жалостливость, вор должен сидеть в тюрьме — так же, как комбайнер сидеть на комбайне, а композитор — за роylem. А сейчас шансон пошел слишком романтичный. Когда я на концертах спрашиваю детей, кем бы они хотели стать, обязательно найдется кто-то, кто хочет быть киллером или бандитом.

(Разговор переключается на песню «Маруся отравилась», и бегающая рядом дочка Гладкова Саша интересуется: «А почему она отравилась?»). В ответе мамы Юли проскальзывает педагогическая мудрость: «Руки не мыла, со стола все хватала, вот и отравилась...».

— Вторая история печальная, когда в 1980 году Броневой спел в мультфильме «Пластилиновая ворона» песню «Закрывать и открывать глаза». Этот сюжет мы сделали в стиле ретро и посвятили его нашим родителям. Там были интерьеры ретро, по улицам ездил «Победа», фюксы в окнах — и нужен был певец, чей голос сразу вводил бы в атмосферу тех лет. Хотя Леонид Осипович Утесов еще был жив, он был болен, и сначала мы взяли Арнольда Гуминицкого, который блестяще выступал на эстраде и пел голосом Утесова. Получилось очень стильно, но худсовет по своим соображениям запретил нам использовать этот голос.

Тогда мы записали Броневского, который, оказывается, в юности пел в Театре оперетты. Снова разразился скандал в худсовете: позвонил лично Лапин, председатель Гостелерадио, и сказал, что снимает всех с работы: «Чья это идея? Вы смотрите телевизор — кого играет Броневый? Оберштурмбанфюрер Мюллера. С каких это пор Мюллер поет в советском мультфильме?!». И нам мультфильм испортили...

— И правда, невесело...

— Зато мы похулиганили на мультфильме «Падаль прошлого и снег». На этот раз Татарский решил обойтись без песен — только музыка. А любую музыку должен был писать оркестр кинематографии, даже на запись пятнадцати секунд к мультсборнику «Карусель» все равно приезжал целый оркестр. Нам в виде исключения выдали ансамбль «Мелодия». Но нам хотелось чего-то необычного, и мы заказали еще одну смену. Я как раз нашел интересный инструмент «казу», его когда-то придумали негры. Типа дудочки, которая может менять голос — как будто играешь на расческе с бумагой. Мы наложили эти звуки на записанную мелодию — получилось смешно.

Мария КОСТЮКЕВИЧ.